

Сергей Динамов

ВНЕ РУБЕЖЕЙ

Эдитус
Москва, 2015

Сергей Динамов

Вне рубежей

«Эдитус»

2015

Динамов С.

Вне рубежей / С. Динамов — «Эдитус», 2015

«Микроскопический живчик, забравшийся в нужное место, станет слоном спустя некоторое время. Крошечный родник обернется широченной рекой через десяток-другой километров. Тысячи гектаров могучего леса вскоре окажутся кучками невзрачного органического соединения из-за какой-то искры. То, что отправило на небеса многие миллионы людей, не имеет ни массы живчика, ни вида искры, ни децибелов едва слышного шепота родника. А все потому, что человеческий разум – это нечто нематериальное. Но мысль жива и творит. Только она может породить самую ужасающую, разрушительную и кровожадную особь, существующую на земле, – войну...»

© Динамов С., 2015

© Эдитус, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Сергей Динамов

Вне рубежей

© Эдитус 2015

МОСКВА, лето, начало 80-х годов

Микроскопический живчик, забравшийся в нужное место, станет слонем спустя некоторое время. Крошечный родник обернется широченной рекой через десяток-другой километров. Тысячи гектаров могучего леса вскоре окажутся кучками невзрачного органического соединения из-за какой-то искры. То, что отправило на небеса многие миллионы людей, не имеет ни массы живчика, ни вида искры, ни децибелов едва слышного шепота родника. А все потому, что человеческий разум – это нечто нематериальное. Но мысль жива и творит. Только она может породить самую ужасающую, разрушительную и кровожадную особь, существующую на земле, – войну.

Кстати, мое близкое знакомство с этой всемирно известной дамой совсем не радует, так же как и отметины ее проникновенного взгляда. Забралась она во все мыслимые и немыслимые тайники как сознания, так и подсознания, подкрасив скальп, хотя и не полюбила. Пощадила, облобызав с головы до ног. Может быть, все из-за того, что ей ненавистны взаимные чувства? Не знаю... Да и любил ли ее? Скорее, изображал устойчивую и сильную тягу к войне. Надо же было как-то защищаться.

Очередная оказия встречи с этой незабвенной и обожаемой подругой разродилась в недалекие восьмидесятые годы прошлого столетия. На тот момент задор слегка пришибленных никарагуанских революционеров выглядел неугасимым, а столица мировых народно-освободительных движений Москва полыхала от летнего зноя.

Все произошло на девятом этаже сурового и грозного заведения, после трех часов пребывания в кондиционированной прохладе не менее мрачного и дубового кабинета. Упомянутое пребывание, в период которого необходимо было внимать и почитать, не глотая и не мигая, носило название «Инструктаж у руководства», а в современной аранжировке (и на слуху) простенько, но со вкусом – босс-брифинг.

По окончании сих изощренных кондиционированных издевательств переместился я в свою густонаселенную келью для челяди, что располагалась куда уж как пониже, и уж никак не кондиционированную. Усевшись за свой челядный стол и периодически покусывая конец карандаша, аperiodически рисовал кислые и потные физиономии сослуживцев, совместно – но втайне – ожидающих, чем же завершится мое утреннее трехчасовое отсутствие.

Перспективных путей развития обнаруживалось всего два: ревущий грохот дореволюционного телефона с последующей фразой оттуда «Зайдите в финчасть» или же гробовое молчание оного, которое основательно подзатяну-лось. Надежда уж было собралась покинуть, примеряясь к очередной жертве, но внезапный грохот осадил, заставил поправить узел на галстук и выдержать паузу ввиду возможности звонка челяди с еще более низких этажей.

Посему присутствующая аудитория, заметно сократившая как перемещения в пространстве, так и ненавязчивое общение, пришла к выводу, что все случилось, поскольку ответил я в трубку громко и четко: «Слушаюсь». Крыла распростерлись за потной спиной и понесли на пару этажей выше, прямо-таки в объятия финансовой части.

О теплой и дружелюбной встрече рассказывать, думается, ни к чему. Слава Господу нашему, что хоть стул нашелся, а то стоял бы и стоял, жарой палимый, под взглядами добрыми и пламенеющими клар цеткиных и роз люксембург, представленных в довольно-таки обильном количестве при счетных машинках в ворохах бумаг. Тем временем приставил я сидение сие

сбоку к столу начальника в очках-аквариумах. Сел ровно, не сутулясь, ручки-сковородочки на коленочках сложил, дабы являть собой образ гордый, но покорный под милое: «Что-то вы не торопились, Можар». На что смолчал и молчание соблюдал часа полтора, пока заполнялись какие-то бумаги, раздавались громогласные указания почтенным розам-кларам и велись жесткие телефонные разговоры, вероятно, с нижними этажами, и мягкие, соответственно, с верхними.

– Вместе с вами полетим, – неожиданно вырвалось из-под очков. – Меня Григорий Федорович зовут. Фамилия моя Куземчук. Вы у нас человек новый, так что давайте знакомиться. Здесь и здесь распишитесь... За границей бывать приходилось вам?

– Так точно.

– Давайте-ка без официоза. А то в присутствии зарубежных граждан отчеканите, и сразу понятно будет, кто, да что. Давайте без официоза. В капиталистических странах бывали? Или же в развивающихся и дружественных социалистических? Вот здесь заполните и распишитесь.

– Приходилось бывать и в капиталистических, и в дружественных, но в основном в развивающихся странах.

– Что ж, очень хорошо, но развивающиеся страны нам тоже дружественны. Вы согласны?

– Конечно, согласен, Григорий Федорович.

– Лететь нам долго, со многими остановками. Поэтому расскажете мне о себе. И я вам о себе расскажу. Языками вы владеете?

– Да.

– Вот и хорошо. Подпись сюда поставьте... А теперь Зинаида Петровна проводит вас. Выполните необходимые формальности и вернетесь. Жду вас.

Неспешная Зинаида Петровна уже была наготове, враскачку-вперевалочку понесла свое обширное тело к двери, прихватив пачку подписанных документов. Я поплелся за ней, а потом ждал-стоял-сидел-подписывал-плелся-ждал – и так до самого вечера. Но сердце согревало то, что сия стадия мытарств выездной процедуры являлась финальной. А началось все аж целый месяц назад, и вспоминать об этом ну совсем не хочется.

Вылетали мы с Григорием Федоровичем завтра, по холодку утреннему, и не военно-транспортным бортом через Кубу, а гражданской авиацией, являя собой граждан гражданских гражданства пока для меня загадочного с «изменой Родине» в Варшаве.

2

– И что, ты обязательно должен забирать этот чемодан? Ну, а с чем я поеду на юг? Если ты считаешь, что я должна ездить не пойми с чем, а ты – не пойми куда и с «Самсонитом», тогда уж лучше я никуда не поеду. Буду сидеть на даче с твоими мамочкой и папочкой, пока ты будешь жрать водку и с негритянками трахаться. И вообще, мне все это уже осточертело. У Карпухиных, кстати, посудомоечная машина уже есть, а я должна все своими руками. Сапог чертов! – и дверью ка-ак шандарахнет.

Распахнутый «Самсонит» не реагировал на фонетическое глумление над именем, лишь тихо радовался смешной поклаже, с содроганием вспоминая недавнюю поездку на юга. Статуэтки негритянок с выпученными глазами выражали недоумение, всем своим видом указывая на ошибочную оговорку «ты» вместо «мы», а также на расовую, хотя опять же с местоимением.

Стоял дивный летний вечер. Жара спала, окна подернулись легким притомленным сумраком, а горечь расставания упрыгала вместе с супругой на кухню, и я был спокоен, как кремень, как гранитный Сфинкс. Уезжаю! Я млел, таял, и чего-то не хватало, но совсем чуть-чуть. А как разобраться с «чуть-чуть не хватает»? Всего лишь отломить кусочек черного хлеба, посолить и съесть. Сразу поймешь, чего недостает этой жизни. Но в связи с отсутствием черного

хлеба за пределами дорогой родины, а также селедочки, гречки, частенько картошки и много чего еще с годами пришлось отказаться от столь простого решения проблемы и использовать методы примитивнейшие. Я прислушался: на кухне продолжало прыгать и греметь. Путь к бару свободен. Люблю я это дело – слегка выпить. Ах, как же приятно ощущать себя любимым и таким нужным, но покидающим! Так что уезжать еще больше люблю.

День упорхнул незаметно. Ночь навалилась, обдала какими-то кошмарами и вышвырнула в пятом часу. Утро сияло, как моя небритая и немытая морда в африканский полдень после пары недель в буше¹. Закисал рассвет. Накрапывало.

Интервал «подъем – посидеть на дорожку» пролетел быстро и мимолетно, как обычно, когда голова уже уехала, а брэнная оболочка выпутывается из сна, мокнет в душе, поглощает кофе параллельно с необходимыми связующими процедурами. Да и «на дорожку» получилось спокойно. Истерика возникла на переходе к двери, продолжалась за ней, была слышна возле лифта, но он унес, бездушный. Я уж было поверил, что изливается водопад искренности, и с подъездной аллеи посмотрел на окна, но ни там, ни на балконе никого не было. Умиротворенно подумалось: «В обмороке». Дом уже скрывался за деревьями и исчезал неспешно, под едва слышный скрип колесиков злосчастного «Самсонита».

Машина опоздала на двадцать минут. Григорий Федорович напыщенно дулся, заполонив собой переднее сиденье и прижимая пухлый портфель. Сунул руку в открытое окно «Волги», буркнув оттуда: «Пока вашу улицу найдешь – все самолеты улетят. Петя, открой багажник. Быстрее». Я смутился, но втайне решил, что виновата не улица, а именно – не Комсомольский проспект. Водитель открыл багажник, собрался было помещать семейного терминатора, но вместо этого удивленно спросил: «Что с вами? Вам плохо?»

Есть такое замечательное слово – обмер. Почти что помер, но еще жив, а шевельнуться – нихт. Безотказный и давеча проверенный мотор вдруг застопорился при обнаружении содержимого багажника.

Под крышкой было на удивление чисто. Аккуратный чехол с инструментами облокотился на свежевыкрашенную канистру в углу. Запасное колесо угадывалось под куском нового ковролина. Но в середине было нечто. Оно лежало на боку. Это был чемоданище-ветеран, перехваченный бельевой веревкой в несколько охватов. Размер-то нет, а вот возраст, ранения и окрас возвратили меня в пионерское детство. К тому же на тетрадном листе, приклеенном сбоку, жирный черный фломастер в безыскусной руке указал имя владельца: «Гриша Куземчук» и почему-то «5-й отряд».

– «А-а-а... э... у...», – зазвучало в эфире, но с жестикуляцией у меня было поспорившей, указательный палец тыкал то в динозавра, то в сторону Григория Федоровича, откуда внезапно раскатилось, сыграло эхом и унеслось вдоль пустующего проспекта: «Товарищи, вы долго там возиться будете?!» Где-то на верхних этажах соседнего дома, прямо над магазином «Табак», заплакал ребенок. Проснулись собаки.

А в машине облобызало устойчивое амбре, смикшированное из тройного одеколона, «Беломора» и чего-то неидентифицированного и активно распространялись флюиды раздражения, но налетающий ветер справился, и лишь последние не поддавались – валили уже вслух: «Петя, из тебя шофер, как из говна пуля!»

Я почти пришел в себя, отвернулся к окну и завяз в раздумьях. Мимо по просторам Комсомольского проспекта неслись дома и деревья, мост перемахнул через Садовое кольцо, и в стекла уткнулась приземистая Метростроевская улица. Воображение тем временем принялось за свое: нарисовало «Шереметьево», немногочисленную очередь на досмотр, удивленную физиономию таможенника. И вот он вызывает старшего смены. Они уже оба в сторонке

¹ Буш – плотно растущий кустарник с деревьями.

обсуждают, что делать со шкафоподобным Гриней Куземчуком из пятого отряда. Вызывать ли милицию, которая, безусловно, уже заметила и скрытно группируется неподалеку, и нужны ли будут санитары впоследствии.

– Можар! – раздалось спереди. – А что это у вас за фамилия такая? Вы еврей?

Я встрепенулся от неожиданности, а хмурые санитары из института имени Сербского, краснознаменная милиция и удивленная таможня спешно ретировались у магазина «Подарки» на Горького.

– Это партийный псевдоним деда.

– То-то я удивляюсь: с такой фамилией – и за границу катаетесь. Это сокращение какое-то?

– Да. Означает «побольше жару». Дед баню очень любил... И родину... – Я вздохнул, подумал и решил продолжить, благо подъезжали к Маяковке и светофор переключился на «Вперед, Можар!», то есть на красный.

– Григорий Федорович, а чемодан ваш... того... Не улететь нам с ним.

– Какой чемодан? – Григорий Федорович попытался обернуться, но бычья шея затормозила. Печально треснув, спинка сиденья уперлась в мои колени.

– В багажнике. «Гриша Куземчук, пятый отряд» на нем написано. И вид, прямо скажем, не очень.

– Что-о?!

Вот и тема интересная подвернулась – про неожиданные взрывы и выстрелы по твою душу. Отвыкаешь от этого быстро, да и не привыкаешь вовсе – лишь сживаешься. Кстати, довольно просто определить человека, который знает об этом не понаслышке. Новогодней хлопши достаточно, а бұхнуть после бұхнуть – рядышком и неожиданно. Некоторые приседают, другие падают и сноровисто, проворно в укрытие начинают отползать, но быстренько соображают, что это Новый год и елки, шампанское и водка с коньяком, салат оливье и бой курантов. Поэтому присутствующие расценивают твоё поведение как неудачную шутку-фортель и дальше празднуют. А жена еще и ругается потом: «Ты что мартышку из себя корчишь? Сдурел совсем? Как мы перед людьми выглядим?» Встаешь, от снежка отряхиваешься, а позорато – у-у! Люди все солидные. Хоть и лимита сплошная, но солидности предостаточно. У нас в гостях всегда только цвет общества и солидность, а не инженеры какие-нибудь. Сплошная лимита у нас в гостях.

Ну вот, отвлекся, а тем временем, шарахнув, гром и молнии переместились в неожиданном направлении. Водитель Толик, молодой и шустрый паренек, побелел, сник и буквально уменьшился в размерах под негодующе-чемоданное:

– В лагерь вчера мальчонку собрали. Салыца положили. В Анапу на целый месяц... Да за каким ты хватаешь все подряд?! Какой чемодан? Я всего на пять дней еду, все в портфеле. Если б я знал, то тебе полный п... , Андромеда х... , и по жизни ты м... полный!

– Григорь Федорыч, так вы ж всегда, типа, все в коридоре – только выноси. А на дачу когда – так там и ведра, и грабли, разве ж я когда чего лишнее прихватил? Ну, я и вынес... – Голос дрожал, утопая в перспективах последствий.

– Поезд в семь пятнадцать! И чего теперь делать?!

Ругань с астрономическими примочками скрасила ситуацию, но делать-то что-то надо.

– Сейчас шестой час только. Григорий Федорович, давайте возьмем такси, а Толя пусть вашим звонит и на вокзал мчится. Пока успеваем и мы, и он.

Прелесть отъезда развалилась под чемоданным натиском. Какая-то горечь и предчувствия – пусть едва обозначенные, но явные – закрались в душу, предоставив место ожиданию срыва, нестыковки и неудачи. Все дело в том, что начало этого романтического маразма под названием «командировка» задает ритм, и последующее обречено на зависимость – подчинение заданному ритму. Думаете, суеверия и чушь собачья? Посмотрим.

Время полетело в таргарары. Такси не поймали, но подвернулся одинокий жигуль-бомбила, и за десятку, изъятую у проштрафившегося Толика (рублей-то у нас быть ни-ни или выбрасывай), мы оказались в сонном «Шереметьево» даже на пятнадцать минут раньше начала регистрации. Процесс пошел. Сквозь закрытые коридоры и тайные мраки таможни мы медленно, но верно уходили за бугор с небольшим количеством как советских граждан, сумрачных и чересчур одержимых своей значимостью, так и полупьяных поляков и иже с ними.

3 Самолет Ту-134 резво взял с места, гордо запрокинул нос и унес в облачную кашу, попрыгивая на небесных кочках. Серое месиво одарило сумраком и, наконец, порадовало – выпустило к солнцу. В тесном салоне стало оживленнее, но раздосадованный и обозленный на весь свет Григорий Федорович солнцу рад не был, а продолжал ерзать в попытках пристроить колени. Вскоре погасли запрещающие табло, и кто-то из близ сидящих поимел наглость закурить. Григорий Федорович решил излить накопившиеся душевные расстройства на курящего, визуальнo установив принадлежность наглеца к племени соотечественников. На иностранцев ругаться не есть хорошо, и это впитано с молоком матери-родины, а тут свои шкодят.

– Вы бы спросили сначала, а потом закуривали.

– То, что не запрещено, разрешено, уважаемый.

Григорий Федорович не стерпел. Развернувшись, вынес часть торса в проход и начал звонко бить себя кулаком в грудь, отчего очки начали слегка подпрыгивать.

– Стенокардия у меня. Сте-но-кар-ди-я! Убить меня хотите?!

Но. Было уже рано. Поляки, принявшиеся за разрешенные алкогольные литры на взлете, заинтересовались «бóльним». По всей видимости, это были туристы-пролетарии, и никаких подрывных идей в предложении «Пан, рюмочку на здоровье» не содержалось. В те достопочти-мые застойные годы соцлагерь поголовно шпрехал на русском, и доктора-собеседники стали потихоньку подтягиваться со всего салона.

Избранная же по жизни стезя – а в финчасти Григорий Федорович служил лишь в связи с преклонным возрастом – вынуждала блюсти незыблемые правила, в частности:

А. Никогда и ни при каких обстоятельствах не привлекай внимания.

Б. В контакт с иностранцами не вступай без наличия на то служебной необходимости.

Григорий Федорович слегка струхнул, а потом уже и испугался не на шутку. Кабы летел один, то обошлось бы. А тут вдвоем, да еще с еврейско-партийной фамилией, и все на виду. Сидели-то мы с ним через проход, но я на ряд сзади. Тем временем жуткие думы посетили Григория Федоровича. Ковер в дубовом кабинете, а потом партсобрания с обвинениями, да с выговорами, а то и из партии вон, и уже в самом-самом финале – на улицу, в стрелки ВОХР² на сто рэ. Очень печальная картина вырисовывалась, кабы я стукнул.

Мешать потоку ужасных мыслей в голове Григория Федоровича не хотелось, и поэтому пришлось притвориться спящим. Тем временем возле «бóльниго» продолжали собираться туристы, общение оживилось, были слышны бульки и начал прорываться знакомый мотивчик: «Вечтелей о глоште... рунэк и рождэс... А на нашей бойнэ слаштэн добри...» Но внезапно что-то оборвалось в этой идиллии и раздались беспокойные возгласы вперемешку с «матка Боска». Я открыл глаза и увидел в проходе широкую спину Григория Федоровича с поднятым над головой портфелем. Все это быстро удалялось по направлению к пилотской кабине. Качественные изменения обрастали качественными. Рядом с пилотской был туалет, и, возможно, «бóльний» направил свои стопы туда. Хотя, судя по прыти и целеустремленности, я ошибался. Стюардесса попыталась преградить путь к пилотам с помощью пышной груди, но Григорию Федоровичу было не до нее. Он пер как атакующий бык, как взбешенный кабан. Он спасался.

² ВОХР – военнизированная охрана службы милиции, а также военнизированная ведомственная охрана предприятий и учреждений, имеющая на вооружении огнестрельное оружие

Откуда-то спереди, от наших значимых выездных, донесся, а скорее, жажнул высокий женский голос, переходящий на визг:

– Террористы! У него бомба!

Что тут началось! По всем канонам отечественной драматургии засим следовала немая сцена. Но случившемуся суждено было произойти не на исконно-русской, а на международной арене. Слегка пораженные алкоголем щеки восприняли крик как руководство к действию – призыв к оружию. Оборонять-то было кого: дети, жены, подруги, друзья, а также визжащие побратимы из родного соцлагеря. Коварный враг, до сей поры бесцеремонно пользовавшийся их добротой и заботой, уже назывался вполне понятным даже на русском словом «курва» вместе с сопутствующим набором малопонятных выражений, но с ярко выраженным эмоциональным окрасом.

Очки Григория Федоровича блистали, морда бычилась и краснела. На то причины были довольно веские: дверь к пилотам заперта, по проходу надвигался все сметающий вал ненависти и презрения из Польши, выход на улицу на высоте девять тысяч метров был перекрыт как перепуганными, но грозными сиськами стюардессы, так и надежными запорами советских авиастроителей.

Григория Федоровича спас туалет, а не ваш покорный слуга, который, честно говоря, не представлял, как найти выход из этого тупика. Светиться не хотелось, да и спасать тоже желания не было никакого. Нет, не боялся – сидел и давился от смеха. У любой жизненной ситуации есть ее образ, суть, подложка. Здесь же образ комичен, суть уморительна, подоплека смешна. Субъективно чересчур? Так уж коли окажется, что сподличал, то Бог-то – он все видит и рассудит, а сочтет нужным – накажет.

Тем временем атмосфера в салоне начала охлаждаться. Слава Богу, среди пассажиров не обнаружилось товарищей, обеспечивающих безопасность полета, и забрезжила надежда, что все обойдется. Лишь бы Гриня, затаившийся в Григории Федоровиче, повел себя правильно. Сбежались стюардессы, под безостановочное «Вы нарушаете центровку самолета!» принялись рассаживать по местам героических туристов. Кто-то появился из пилотской и, оставившись в грозные сиськи, выслушивал спешный доклад их обладательницы, стоически перекрывавшей врата в небо. Внезапно все собравшиеся: единичные останки польского вала, стюардессы и член экипажа из пилотской – поворотили свой взор в сторону узника ватерклозета. По всей видимости, оттуда подавались какие-то сигналы, но мною неразличимые из-за удаленности. Член приблизил ухо к двери и начал громко выпрашивать:

– Гражданин, я – второй пилот. Что с вами случилось? Почему вы непристойно себя ведете?

Послышалось какое-то бурчание, на которое неожиданно вместо члена среагировали горластые сиськи:

– Вы же чуть меня не сшибли! Вы всех иностранцев перепугали!

– Цо-о?! – восстала храбрая и вторично униженная Польша, вскакивая с мест. Эпицентр народного негодования сместился, а значит, момент для Грининово высвобождения настал. Он появился из-за двери в очках набекрень, бледнеющий и без портфеля. Дальнейшее превзошло самые удивительные варианты развития событий: Гриня самолично принялся за наведение порядка.

– Я – советский человек! Ответственный работник аппарата! Имею правительственные награды! И если у советского человека желудочные колики, так что – его уже за террориста принимают?! Да как вы могли подумать?!

Нравоучительно-печальный тон Григория Федоровича был восхитителен и с легкостью перекрывал галдеж. Ораторствовал он достаточно долго. Затем примолк, постепенно набухая от возмущения, видать, самого разбередило, но вовремя осадил. Все уже и так устали, даже поляки – и те угомонились.

Члено-сиськи и остальные участники шоу вернулись к предначертанному обычным полетным режимом положению сидя или стоя. А хитрый Гриня юркнул в туалет, прихватил портфель и вернулся на место дожевывать свои грустные мысли, странствуя по извилинам в голове Григория Федоровича.

До посадки в Варшаве оставалось меньше часа.

4 Тайнство измены родине носило, как правило, конспиративный характер и осуществлялось в полутемных закутках представительств «Аэрофлота» в аэропортах стран Варшавского договора. Состояло тайнство из получения инвалютного денежного довольствия, билетов, замены паспортов с сопутствующими оправдательными документами. Снова в который уже раз ставились подписи в не менее таинственных и конспиративных формулярах. Обеспечивалась эта сногшибательная процедура дипломатическим, ответственно-немногословным товарищем, а сопровождалась его пристальным взором – последняя инстанция все же – и безостановочным табакокурением, но без напутственных речей и, к сожалению, без кофе. В результате чего при удачном стечении обстоятельств вы становились гражданином заранее определенной страны. Удачное же стечение обстоятельств подразумевало под собой наличие достаточного промежутка времени для вызревания определенности. Да-да, времени, с которым, увы, извечная проблема. Поэтому молился я за Болгарию или, на худой конец, за Чехословакию, но уж никак не за ГДР и тем более не за Венгрию.

Раннее польское утро встретило ласковым солнцем, безоблачным небом, теплым душком летных полей всего мира – керосиновой гарью. До рукавов – для непосредственного выхода из самолета в здание – прогресс на польской, как и на советской, земле еще не дошконды-бал, но автобусы быстро управились с сотней пассажиров. Сонный паспортный контроль штемпельнул в паспорте и поприветствовал на польской земле. С таможеней нам собирался поспособствовать встретивший нас круглый дядя с табличкой «Аэрофлот» при имидже хозяина-распорядителя, но багажа все не было, и Григорий Федорович рас-переживался, что, в свою очередь, вызвало раздражение Грини, который и родил нравоучительное:

– Надо было последним сдавать. Тогда бы первым получили. Какой-то вы неоперативный, Можар.

Вместо обвиняемого, который и не собирался что-либо объяснять, среагировал грузный, но шустрый дядя Аэрофлот:

– Из самолета выгружать на тележки будут, и снова в самом низу окажется. Лишь бы не потеряли. Подождем, чего уж тут.

– А что, часто теряют? – ухватился темперамент Грини за новую тему.

– Нечасто, но теряют. Если какой чемодан с виду дорогой и рейс из капстраны, то могут.

– Так что ж, крадут, что ли? – заинтересовался Григорий Федорович.

– Это я так сказал, что теряют. Конечно же, крадут.

– Пресекать надо. Телекамеры ставить, привлекать сотрудников Министерства внутренних дел Польской Республики.

– Привлекают. И камеры стоят. А они все равно умудряются. Хитрый народ эти грузчики. У нас-то в «Шереметьево» не лучше. Я там пятнадцать лет проработал. Это как лотерея – повезет или не повезет.

Мне почему-то становилось все веселее и веселее, а Гриня увлекся перспективами, поскольку Аэрофлот оставил нас в одиночестве – пошел справляться насчет багажа.

– Вот, Можар. Украдут сейчас ваш чемодан. И что нам делать? Это же целая история будет. Органы, а вдруг и пресса, тогда утечка информации возможна.

– Там утекать нечему – майки, трусы да носки с шортами. Вот если бы я с бомбами по самолету бегал... Вы в рапорте по командировке отразите насчет трусов с носками, а я уж тогда отражу насчет террористов и в изысканной форме. По рукам, Григорий Федорович?

Последовала непродолжительная пауза. Глаза Грини забегали.

– А вы ведь, Можар, мне сразу не понравились. Хотел к руководству идти, поговорить на эту тему. Уж больно у вас взгляд непонятный, и ведете себя не совсем корректно по отношению к старшим. Не нравится это людям. Какой вы специалист – я не знаю, но, судя по всему, человек вы несерьезный, и даже, я бы сказал, халатное отношение к делу у вас прослеживается. Вот и багаж последним не сдали. Теперь мы ждем.

– Это у меня после контузии, Григорий Федорович. У контуженых всегда с выдержкой не все в порядке. Срываюсь, когда объясняют популярно и по сто раз, что если чемодан сдавать последним, то и получишь его последним. Вы извините, но разговор у нас с вами нехороший получается, так что давайте лучше помолчим, а то, не ровен час, и впрямь сопрут чемодан. У меня там бритва хорошая – немецкая.

– Вот вы как вести себя стали неадекватно. Про бритву иностранную намекаете. От прямого разговора уходите. Ну что ж, я человек выдержанный и обсуждать с вами сложившуюся ситуацию не собираюсь. Выяснять мы будем в другом месте. Объективно и справедливо будем выяснять.

Григорий Федорович тона не повышал, но глаза из орбит полезли. Даже отвернулся.

Наша милая беседа проистекала в сторонке от массы собравшихся для получения багажа пассажиров. Велась она полупшепотом и внимания не привлекала. История умалчивает, кто придумал такой своеобразный метод передвижения по миру. Вероятно, это старый заско-рузлый стереотип, но приходится подчиняться. Все дело в том, что, отправляясь с гражданской авиацией группой, до момента замены документов члены группы не должны явно контактировать друг с другом. После же замены контакт не только допустим, но и обязателен.

Поскольку разбираться Григорий Федорович собирался в другом месте, то душа моя хранила скорбное молчание, хоть и злодейские мысли обуревали – рвались наружу зловецим потоком. Но мысли – субстанция управляемая, без какой-либо массы, а следовательно, инерции и дальнейшего усугубления ситуации в виде «понесло на явный контакт» не предвиделось. Лишь скулы потрещали немножко да зубы скрежетнули. Вот и все. За рубежом надо держать марку – стильный череп, дымящее сердце и мытые конечности, как у классика из общеизвестной конторы. Также способствовали процессу умиротворения мечты о чашечке кофе, сигаретке да о чем-нибудь по чуть-чуть, но с иноземным романтическим *on the rocks*. Хотя после получения иноземного денежного довольствия можно даже и шикануть – принять на грудь смело, размашисто, с удалью и перебором.

Заметил, что, вырываясь из Союза, такие мысли постоянно посещали, к тому же не одного меня. Родные граждане, лишь прикоснувшись ко вседозволенности и не обращая внимания на сплошные происки империализма, буквально упивались мнимой свободой. И тому не помеха даже единоутробный «Аэрофлот».

А еще вот интересно было наблюдать, как играли наши сограждане в иностранцев. Газет с журналами наберут иноземных, со стюардессами на иностранных языках разговаривают. Обратишься, бывало: «Товарищ, позвольте у вас журналчик попросить». А он и ухом не ведет – не понимает уже по-русски. Во как за граница голову кружит. Но это у неопытных перворазников часто встречается, а опытные все больше щеки раздувают – от важности тужатся и смотрят так осуждающе-надменно. Выездные ж мы, чего пристаёте со всякой ерундой?

Время не бездельничало – лилось, хотя несколько нудно и тяготно, но наконец вернуло дядю Аэрофлота с признаками всеобщей гармонии на лице. Его уверенность в светлом «чуть погода» разродилась скрипом оживающей ленты транспортера и вытащила из загадочных аэронедра семейный терминатор при колесиках и без видимых информационных утечек. Наблюдались лишь свежие царапины – видимо, ранен в битве с темными силами мирового империализма, посягнувшими на сверхсекретные краснознаменные трусы, об утечке которых так пекся Гриня.

Вскоре миновали таможду. По малолюдному вестибюлю ползли громогласные уборочные машины, и теткы при них очень даже напоминали родных метрополитеновских. Солнце играло на влажной полировке гранитного пола. Аэропорт имени товарища Шопена лишь просыпался, а мы уже шли в ногу, печатая шаг. Впереди аэродядя. За ним Григорий Федорович с портфелем. Терминатор на колесиках и я замыкают. Все четко, слаженно, интервал – дистанция, по субординации. Каленым железом не выжечь выправку – профессионалы, ядрена вошь! Хорошо хоть не бегом. Мне страсть как хотелось кофе, а Григорий Федорович периодически ворочал головой влево-вправо, наверное, оглядывал зал пристальным взором – готовился к перспективным провокациям империалистов. Мы же, считай, в нейтралке – враг не за горами. И чего через Кубу на транспортном борту не полетели?

Поднявшись по лестнице на второй – административный – этаж, юркнули в закоулки. Узкий коридор, поворот, а вот и желанная дверь. Небольшая комната с парой столов, зевающая аэродевочка в синем.

– Здравсьте, – с тоскливым, оценивающе-пренебрежительным взглядом. Но... черный запах молотого эспрессо.

– Мила, сделай, пожалуйста, товарищам кофе, – рухнуло на голову невероятное и желанное, а дядя, подаривший кусочек счастья, затворил дверь и закрыл на ключ. – Вас ждут. Сюда проходите.

– Мне чай, Мила, – еще больше разонравился мне Григорий Федорович.

За второй дверью, в глухой прокуренной комнате, сидела последняя инстанция и сверлила взглядом. Удивительно, но яркая настольная лампа не была направлена нам в лицо для пушего колорита. Видимо, конструкция не позволяла.

– Здравствуйте, товарищи. Попрошу сдать все наличествующие документы согласно описи.

Голос низкий, тихий и абсолютно бесцветный, как и глаза. Обладателю было около тридцати, прямой широкий подбор в жиденьких волосах, заостренные черты лица и прижатые уши – нехарактерная для дипломатов, чисто конторская, весьма ординарная и незапоминающаяся личность.

Григорию Федоровичу была предоставлена безусловная возможность первенствовать везде, всегда и во всем, а за дверью почему-то не торопились с кофе. Можно было, конечно, помочь Миле, но существовали негласные правила, согласно которым шевелиться в процессе измены не рекомендовалось и даже возбранялось.

Григорий Федорович тем временем выкладывал документы на стол, а инстанция закурила очередную сигарету. Гринина стенокардия протiwления не выказывала, да и сам Гриня затаился, стих и, кажется, уменьшился в размерах, а я заскучал и заелозил взглядом по потолку, стенам и полу, переступая с ноги на ногу: о стульях никто не позаботился. Потянув носом воздух, кофейных флюид не обнаружил. Или сюда не распространялись, или принюхался уже. Потом начал мечтать о том, что если стану важным и толстым с кабинетом на девятом этаже, то обязательно подпишу приказ о проведении всех мероприятий при наличии кофе и полном запрещении употребления чая. Так бы и написал в драфте: «Места для осуществления агентурных контактов в помещениях зданий и сооружений на территории иностранного государства следует оборудовать согласно действующему Приказу ИМ-3/158-97854 от 15 мая 1976 года, а также в полном соответствии с Правилами противопожарной безопасности и содержать с соблюдением санитарно-эпидемиологических и гигиенических норм, действующих на территории данного иностранного государства. Обязательным условием проведения вышеупомянутых мероприятий является наличие кофеварочных и кофемолочных аппаратов, посуды и приборов (см. Приложение 1), сопутствующих продовольственных товаров (см. Приложение 2); бакалейных товаров (см. Приложение 3), а также мебели для обеспечения личного состава, иностранной и отечественной агентуры, вовлеченного и разрабатываемого контин-

гента оптимальным набором удобств (см. Приложение 4) при полном соответствии ГОСТам данного иностранного государства». А уж в приложениях бы я расписал – бюджет-то ого-го! Но с примечанием: «Возможность включения в номенклатуру наименований, содержащихся в Приложении 2, продовольственного товара, как то: чай зеленый, черный, крупнолистовой, мелкий, чай-крошка, в быстро-завариваемых и иных упаковках, с ароматизаторами, чай прочий – рассматривается». И попросился бы ко мне на прием Григорий Федорович, а после двух часов прене-ременной отсидки в секретутской проходной (без чая) его бы впустили через двойную дубовую дверь, и стал бы он канючить: «Товарищ Можар, из-за рубежа поступают многочисленные просьбы по поводу вашего приказа номер жыпы-дробь-дзынь-блюм-кланц от такого-то числа.

Всем очень хочется узнать, когда вами будет рассмотрен вопрос с чаем?» А у меня на столе телефонов гора и даже вертушка кремлевская стоит. Сам я в костюме с отливом и в очках. Очень серьезный такой, сию и удавшим взглядом стираю Григория Федоровича в порошок. Потом говорю сердито: «А кто вам сказал, что будет легко? Вам здесь что, медом кто-то намазал, чтобы чаи распивать и сушки трескать?» Затрясется Григорий Федорович и последний аргумент испробует: «Товарищ Можар, но ведь даже в ЦК КПСС чай с сушками всегда подают». Ну, тут уж я расвирипею: «Если за границей все чай с сушками будут трескать, как в ЦК КПСС, то это что же получится-то? Вы головой думаете или чем?! Завтра же на аттестацию. Я лично принимать буду. Лично! И чтобы японский язык к завтрашнему дню выучили! Поедете в Японию – у японских товарищей поучитесь выдержке и манерам. У меня все! Свободны». Точно, отправлю Гриню в Японию. Нелегалом на консервации. Слегка не похож – морда у него здоровенная, и ростом с двух самураев, но ничего – пусть покрутится. На кой же черт его со мной отправили? Все проверяют, проверяют...

– Товарищ, вы что там, уснули? Подходите. С вашим товарищем мы уже закончили, – донеслось откуда-то издали, и первой меня встретила злорадная ухмылка Григория Федоровича. Я быстренько распрощался с кабинетом, отливом, очками и разгильдяйством, поскольку пора было заняться очень серьезным делом – подписывать сверхсекретные документы строгой отчетности и менять личину.

Чем миг грядущий нас приложит? Ничтоже сумняше-ся, грядущий миг произвел на свет гражданина Венгерской Народной Республики Иштвана Шекете, археолога. Дата рождения и возраст не совпадали. Ну, это еще ничего, заучим-запомним-врастем. По водившимся где-то в тех местах археологическим майя и ацтекам в голове лишь подростковые смутные отпечатки «Дочери Монте-сумы», и насчет венгерского языка – рядом не лежало. Все познания укладываются в два где-то прихваченных слова – «люфас» да «иштван-фас», причем это мадьярская мать, и употреблять ее в приличном «обществе» ну никак. Кошмар!

Ну, вот и все: паспорт-доллары-билеты-макулатуру на грудь, прощальное рукопожатие – и последняя инстанция исчезла за дверью. Вылетали мы в Амстердам не скоро и привязаны теперь были к аэродяде прочной пуповиной аж до самого вылета, поэтому можно было перемещаться поближе к аэродевочке и ставить вопрос об обещанном кофе, а потом забиться в угол, еще пару раз ужаснуться новому гражданству и попробовать вздремнуть.

5 Большой черный муравей настырно топал по серо-красному пеплу земли в одну ему ведомую даль. Сидящий на земле человек подцеплял его прутиком, преграждал путь, заставлял менять направление или прижимал к земле; смотрел, как тонкие черные лапки борются за право, предназначенное букашечьей жизнью. Иногда муравей получал свободу и снова устремлялся к своей цели. Ощущение времени постепенно исчезло. Грузная мертвенная тишина заполонила все вокруг, остановив время.

Должно быть, я знал этого человека, хотя выражение на грязном – в камуфляжной саже и пыли – лице было совершенно пустым. Изредка осветляясь едва приметной грустной улыбкой, лицо оживало. С трудом, но в нем можно было распознать знакомые черты. Жора.

Улыбка таяла, словно вместе с жизнью, и лишь что-то еще существующее теплилось в руке с прутиком. Рука будто бы жила отдельно: монотонно, безостановочно, преследуя и настигая.

Почему он улыбался? Может быть, это была и не улыбка вовсе, а боль? Ведь он сидел как-то скрючившись, с неудобно вывернутой шеей, склонив голову набок. Наверное, так надо, иначе он не видел бы муравья. Зачем?

– Жора! – попытался позвать я, но звук застрял, увяз где-то в груди, а от дальнего края пепельной поляны, из ржавой густой травы, из-под плотно надвинутой, такой же ржавой панамы с мятыми полями смотрели глаза, неестественно белые на черном лице. Я различил темный верх ранца, руку в беспалой перчатке с узором из дырок, ствол АКМ. Приподнимаясь, лежащий в траве ржавый³ осторожно оперся на локоть, и показался нагрудник – родной «лифчик»⁴ с пятью газырями. «В среднем у них всегда родезийский заград⁵ с бикфордой на двадцать секунд, а в остальных четырех – магазины РПК⁶. Хотя, возможно, там бутеры⁷», – спокойно и неторопливо рассуждал мозг, будто все происходило не со мной, а где-то в другом, потустороннем мире.

Ржавый уже подавал команды рукой кому-то позади себя: сжатый кулак – «Внимание»; два пальца вверх и вправо – «Двое на правый фланг»; указательный палец вверх и влево – «Один на левый фланг»; кулак рывком вниз два раза – «Закрепиться».

Жора не реагировал на движение в траве. Они же берут периметр. Сейчас его будут убивать. Неужели он не видит?

Казалось, что в этом мертвом безмолвии различим каждый шорох... Различим? Странно, я абсолютно ничего не слышал, словно укутанный пронзительной тишиной. Почему мне холодно? Удушливый жар африканского буша исчез в стылой тиши. Холод добрался до колен, стал подбираться ближе к поясу. Я уже не чувствовал ног – лишь лед, но мозг четко, последовательно анализировал происходящее. Что-то случилось совсем недавно, и я не мог вспомнить, что.

Подкравшийся вечер запутал беспечное солнце в густых расплюснутых кронах деревьев. Оно выбросило длинные причудливые тени, которые внезапно ожили и тем самым подтолкнули время. Ощущение чего-то нового, неопределенного, но высвобождающего из цепкой хватки безмолвия пришло ненадолго, затем обернулось прикосновением холода где-то у сердца. Пробужденные крупницы разума не противились – безропотно ждали.

В плечо уперлась толстая рифленая подошва и запрокинула землю, небо. Я мягко отвалился на спину, пальцы разжались – выпустили прутик. Неутомимый муравьишка облегченно вцепился в него челюстями и потопал дальше с отвоеванной добычей. Кто-то расстегивал лямки на груди, ремень, снял подсумки, торопливо рылся в карманах. Тишина твердела, вращая в лед, и внезапно заволокла тьмой... Я терпеливо ждал.

Там должен быть свет... Обещали...

– ...поприличнее! Разве что храпа не слышно. Вам здесь не ночлежка, а офис, – бубнуло где-то рядом.

Я открыл глаза. Вначале прищурился из-за яркого света, а уже потом опознал испепеляющие очи Григория Федоровича. Положение мое в пространстве с момента засыпания и до пробуждения изменилось и выглядело весьма своеобразно, но достаточно устойчиво. Попробуйте сложить руки на груди и сесть на стул, но спиной. Примерно таким образом.

³ Ржавый (жарг.) – военнослужащий подразделения специального назначения Реккес армии ЮАР.

⁴ Лифчик (жарг.) – жилет с грудными карманами для боепитания.

⁵ Родезийский заград – мина направленного действия малого размера.

⁶ РПК – ручной пулемет Калашникова.

⁷ Два соединенных магазина в оружии.

– Прошу прощения, – принимая приличествующую позу, ответил я. Проспал я всего час с небольшим. Кроме Григория Федоровича в комнате никого не было. Сцепив руки и глядя под ноги, он, не переставая, измерял расстояние от запертого на замок выхода до противоположной стены и обратно. Подсчитав его шаги, получилось нечто странное – пять туда и четыре оттуда. Проверил еще раз, но результат оказался прежним. Ну, да Бог с ним. Взгляд наткнулся на чашку с остатками кофе, сиротливо стоявшую рядом – на уголке пустого стола.

– Григорий Федорович, может, еще чайку? – скрепя сердце, выдавило лизоблюдское «я», преследуя корыстные цели.

– Нет, спасибо, – и после паузы в три шага: – И не думаю, что это будет правильно, если мы начнем здесь хозяйничать при отсутствующих хозяевах.

– Хозяева-то не обидятся. Сами предлагали, что странно. Первый раз со мной такое приключилось. Обычно индифферентны. А тут угощают. Приятно. Смотрю, у них и оборудовано все по-божески: кофеварка, чайник, сахар. Все на виду. Может быть, простят хозяева-то? А, Григорь Фе-дрыч? – отодвигал я своего лизоблюда ненавязчивой фамильярностью.

– Делайте что хотите, Можар. Я уже сказал все, что думаю по этому поводу, – и дальше: топ-топ, топ-топ.

Не торопясь, выказывая всем своим видом, что мне это тоже совсем-совсем не по душе, пришлось подчиниться постыдной и даже вредной, пагубной для кофе привычке под укоризненным взором Григория Федоровича.

– Можар, все хотел спросить, а чем вы, собственно, занимаетесь у нас? – не сбрасывая шаг, произвел на свет Григорий Федорович. Говорить о таких вещах, а уж тем более задавать вопросы на эту тему несколько неудобно даже в узком кругу. Очевидно, Гриня жаждал компромата.

– Археолог я, Григорий Федорович. А по совместительству перевозками занимаюсь. Транспортом то есть, – уже помешивая ложечкой обжигающее благоухание, сказал я.

Гриня аж замер. Повернулся. Во взгляде сквозило удивление и любопытство. Про археолога-то он знал – мы с ним оба теперь венгерские «археологи». А вот про перевозки...

– Это каким же таким транспортом? Что-то не припоминаю, когда транспортное подразделение вообще выезжало. Да вы и не из транспортного. Поясните.

– Международные перевозки. Один из видов – общеизвестный, но достаточно экзотический. Под патронажем ГлавПУРа⁸. Слышали, наверное?

– Что-то ничего я об этом не слышал. Может быть, недавно совсем организовали? Кто же в ГлавПУРе руководство осуществляет?

– Давайте-ка я вам фамилию подскажу... Вообще-то, лучше на пальцах покажу.

– А в чем, собственно, проблема? Зачем на пальцах? Вы думаете, что здесь не совсем... Как бы это сказать-то...

– Вот-вот, думаю, что не совсем. Лучше подстраховаться. Читайте – рисую.

Шевеля губами и очаровывая мимикой, Григорий Федорович увлеченно внимал дирижерским жестам, а затем ненадолго задумался.

– Что-то не знаю я такого в ГлавПУРе. Действительно, кто-то новый. Еврей, что ли?

– Нет, он не еврей. У него в роду, кажется, греки были с ихней речки Стикс.

– А вы откуда про речку знаете? Вы с ним что, лично знакомы?

– Лично – не лично, но у меня есть двоюродный брат. Так вот мать его жены, которая доводится сестрой брата...

Но Григорий Федорович внезапно и резко прервал:

– Сестрой доводится мать или его жена?

⁸ ГлавПУР – Главное политическое управление СА и ВМФ.

- Чьей?
- Вы сказали, что мать его жены, которая и так далее. Какая «которая»? Мать или жена?
- А-а. Мать жены двоюродного брата – это сестра брата его отца. То есть отца товарища из ГлавПУРа, но он уже умер.
- Кто умер?
- Отец товарища уже умер.
- Вашего товарища? – прозвучало нетерпеливо.
- Нет, того товарища.
- Отец Харона, что ли? – раздраженно и громогласно плюхнул Григорий Федорович и тут же осекся.

Моим душевным злорадствованиям не было предела: спалился дядя. На нейтральной территории, в «грязном» помещении, при полном отсутствии маски, во все микро-, макро- и просто фонны вывалил сверхсекретнейшую ин-формуль! Это же преступление! Как он посмел?! Да за такое уже пора разучивать «Колымский тракт, снега, снега, конвой. Давно уж позабыт мой дом родной...» или даже прикупить в шиполовском DutyFree отменные белые тапочки (в местном – сплошное «Цебо»), напевая: «К стенке, предатель! Помни и знай – позор перед Родиной кровью смывай!»

Гриня, похоже, тонул в одноплеменных мыслях, имея, прямо скажем, вид неважнецкий и чрезвычайно растерянный. Как-то странно, бочком, попятившись, будто лишившись опоры, попытался сесть. Стул же, жалобно хрястнув под тяжестью неточно отцентрированной, тяжеловесной задницы, подскочил и собрался было возмущенно прилечь неподалеку, но грома не последовало. Он был заглушен звоном чайно-кофейных принадлежностей, сметенных рукой, ищущей улизнувшую опору.

Очки упали. Я уж сдуру подумал, что сердце прихватило, и бросился оказывать первую помощь – ослаблять галстук и расстегивать верхние пуговицы рубашки, но был отстранен все сметающей рукой:

- Вы что?! Помогите встать!

Чуть позже комичность ситуации превзошла все мыслимые и немыслимые варианты развития. Само собой разумеется, что кофеек накрылся медным тазом. Но вот тихий и аккуратный стук в дверь, раздавшийся в процессе уборки разбитой посуды, был как нельзя кстати. Опа-а!

Григорий Федорович среагировал мгновенно – указательный палец его правой руки вкупе с плотно сжатыми губами и грозным взглядом заставили замереть и побудили к нездоровым ассоциациям. Ну вылитая тетка с плаката военного времени «Не болтай!», хотя и без платка, в костюме, очках, красномордая и с легким налетом синевы от выбритости.

Ассоциативное восприятие – изумительный помощник интуитивного мышления, но иногда сей конгломерат чрезвычайно опасен. В частности, если тормоза самосохранения плохо держат язык. Оставим ненадолго повествование, благо немая сцена была достаточно продолжительной – хоть и на международной арене, но в исполнении советских граждан, – и обратимся к ретроспекциям. Лет эдак с двести назад.

Лютая зима, блаженный зимний вечер, родная казарма, в которой только что было тепло и весело, но стало как-то не очень уютно после случайного подрыва дымовой шашки, упертой с полевых. Потушивши ясны очи окон, через каких-то полчаса родная вовсю дымила в окружении пожарных машин, шлангов и обалдевших полураздетых курсантов, многие из которых знали причину, поскольку присутствовали в ленинской комнате, но утаивали из-за «себе дорожке». Неторопливые пожарники, звон битого стекла, мечущиеся офицеры, старшины и сержанты; струи воды, улетающие куда-то в окна второго этажа, из которых не переставая валили клубы дыма, но огня нет и не предвиделось. Высокая, огромная фигура полковника в папахе и светлой шинели выделялась среди личного состава. Это начальник училища, генерал-майор Л-ев в громогласном реве приказов, указаний, распоряжений. Словно перед боем, целеустрем-

ленным, размашистым шагом он охаживал фасад здания в непосредственной близости от мнимой опасности, подбадривая матерком постепенно замерзающих будущих офицеров.

– Что, бедолаги, холодно?! Тягот и лишений недостает?! Казарму решили спалить, мать вашу?! Ничего, померзнете – ума наберетесь!

Ему не до печальных водопроводных потуг под ногами. В свою очередь рукавам-пенсионерам – латанным-перелатанным, весело поливавшим еще при царе Горохе, – аналогично. Морозец делал свое дело – промораживал и покрывал корочкой льда поверхности преклонного возраста, слегка убитые от натуги, собственной немоги, холода и поэтому деревенеющие. Нога полководца смело ступала куда ни попадя. Снова куда ни попадя. Еще раз куда ни попадя. И, наконец, куда-то попадя. Под ногой хрустнуло. Нашедшая новую лазейку, прибабахнутая насосом водица разворотила хрупкое и хилое русло, создала реактивный эффект на выходе, чем обескуражила укороченного пенсионера, не подозревающего о потаенной возможности прытко извиваться, скакать и прыгать, поливая уже не где-то там, в дымящих недрах второго этажа, а непосредственного виновника фонтанирующего маразма.

Блестящая веселыми брызгами и шустро наводнив светлое сукно генеральской шинели, потоп уже удивлял грозную разъяренную властность своим присутствием на кустистой бровастости и розовощекой скуластости; снес папаху, омывая сразу же заблестевшую мозговитость, и понесся из стороны в сторону, изредка напоминая о себе все новыми и новыми посещениями знакомых мест на уже прихваченном морозцем генерале, остолбневшем от хамоватой наглости ноготворной водной феерии.

Юные полураздетые зрители раскрыли рты. Офицеры, старшины и сержанты, как сверхсрочники, так и срочники (прапорщиков пока в природе не существовало), бросились на спасение, пытаясь поймать рваного раздухарившегося пенсионера. Пожарники ухмылялись и не спешили перекрывать воду. А один длинный, ушастый и нескладный юноша семнадцати лет от роду, абсолютно лишенный тормозных устройств в области мозга, смел засвидетельствовать во всеуслышание свершившийся факт обледенения лютого военачальника, да еще и со звонкой голосистостью:

– Генерал Карбышев!

Ледовитому генерал-майору запоминать насмешника не пришлось – он его уже хорошо знал, и на следующее утро... Даже вспоминать не хочется. Но память живет.

Печальное и радостное, удивительное и не очень, веселое и грустное, страшное – память хранит многое, удаляя лишь боль. Так уж устроен разум человеческий: собирать, вуалируя толику мелочей и удерживая основное, незабываемое. Хотелось бы избавиться, но нет – живи и помни. Как правило, память с трудом соглашается примоститься на бумаге в целостности и сохранности. Начинаешь что-то додумывать, приукрашивать или, наоборот, прятаться за строчками, лавировать в них, лишь бы избежать своего признания в бесчеловечном и злом, в черном. С возрастом боязнь совершенного и содеянного уходит. Этим уже хочется поделиться и отдать именно бумаге, поскольку она беспристрастна и позволит высказаться до конца, не перебивая охами-ахами, нелюбезными эпитетами, не хлопнет дверью в лицо на прощанье.

Пока венгерские «археологи» готовились окончательно разнести офис «Аэрофлота», подошел срок давности покрытого плесенью, замшелого эпизода, по поводу которого память не мучит боле, но это не исповедь... Назидание, что ли... Только кому?..

АНГОЛА, конец 70-х годов

А Жора постоянно улыбался. Улыбка буквально жила на его лице, храня какую-то добрую, мальчишечью искренность... Это не раздражало. Хотя поначалу все выглядело несколько иначе.

В один из удивительных, безветренных и солнечных, обрыдших полдней. Когда уже окончательно уверовал в то, что все скоро кончится и можно было почти физически ощутить радостную близость собственных языка, облика, поведения. Когда пришло предвкушение возврата к простым человеческим нормам и привычкам, а также сну и снам, быту, еде, воде и пора уже было сказать «до свидания» нечесаной бороде. Вот в один из таких очаровательных дней я плелся, грязный и усталый, волоча тяжеленный вещмешок со всякой железно-пластмассовой электронной хренью. Через яшу⁹ под предплечьем чувствовалось обжигающее железо ствольной коробки ввиду местного «курортного» солнечного безветрия. И уже не было сил бросить мешок, снять калаш и распусть ремень, чтобы он долбал по фляге и не жег бок. Поэтому плелся и плелся, отрешенно, терпеливо, купаясь в мечтах.

До моего полуразвалившегося бунгало оставалось метров пятьсот, и мешок уже превратился в нечто непереносимое. Но бросать его никак не хотелось, поскольку в нем лежали устройства, предназначенные для модернизации минно-подрывного хозяйства, прихваченные на унитовской базе Нконго. Базу успешно, а главное, быстро снесли две роты местных шустриков каких-то пять-шесть часов назад. Кроме всего прочего, на операции захватили теплыми трех белых садфовских¹⁰ бойцов – для медалек, на закуску местной фауне и поудивляться. Садфовцы – хороший улов, а главное, редкий. Из них можно хоть что-то выбить, и это не будет тривиальным и безрадостным списанием к Харону после пары суток у грани. Даже поблескивало явное удовлетворение в плане свежайшей инфы. Но что-то изменилось вокруг – отвлекло.

Сзади донесся топот и веселый голос Жорки:

– Ты чего, в носильщики заделался? Давай помогу.

– Бери, – прохрипело иссушенное горло и закашлялось. Поскольку во фляге еще булькало, то промочил глотку кипятком. А Жора легко подхватил мешок на плечо, пошел рядом, не умолкая и мотая своей жиденькой козлиной бородкой во все стороны.

– Ого, тяжелый. Черного припахал бы.

– До вечера бы нес.

– Отработал нормально?

– Угу.

– А у меня новость, – весело трещал Жора. – Тебя оставляют. Я рад. А то пришлют ухаля – и капец всему ан-голоидному социализму.

Я остановился. Ну нет же! Не может быть! Снял машину и распустил ремень – жгло нестерпимо, все вкупе. Мечты, подтаяв, вдруг встали на дыбы, не веря. А Жора топал дальше, поднимая пыль. Весело и легко.

– Жора... Это штабные слухи или Васька сказал?

Он остановился, подошел. Улыбка продолжала сиять.

– Васька.

Все. Внутри закипела, заклокотала ненависть.

– А чего ты лыбишься все время? – тихо ему сказал, вкрадчиво. Бешено. – Тебе морду, что ли, никогда не били? А, урод?! По полной программе устрою... Здесь и сейчас.

Я рванул его за рукав, и ткань жалобно треснула. Внезапно нас накрыл рев борта, низко и быстро уносящего свое вертолетное брюхо на север – в стойло. Жора что-то говорил, уже не улыбаясь, а за ревом ничего не было слышно. В его глазах – оторопь, но не страх, и лишь в одном глазу дрожала слеза. Рев исчез так же внезапно, как и налетел. Злоба ушла вместе с ним, оставив горечь и пустоту.

⁹ Яша – кубинское камуфляжное обмундирование «серая ящерица».

¹⁰ SADF – южноафриканская армия.

– ...потому что ты – не стукач. Ты что, думаешь, что я такая же гнида, как Васька? Я ж понимаю все. Я думал, что тебе легче будет от того, что рад... – Слеза продолжала дрожать.

– Почему ты думаешь, что я – не стукач? Ты людям меньше верь, Жора. Мы ж хуже зверей – улыбаемся и жрем за обе щеки. Звери хоть друг друга не едят.

– А акулы?

– Дурак ты, Жора.

Я отпустил рукав и поплелся, не оглядываясь. Оглядываться было незачем и некуда, теперь только вперед – в пропасть с очередным дном, которое снова загнали на неопределенную глубину. Но дно же когда-то появится. Надо лишь закрыть глаза, потом открыть – и ты уже долетел. Главное, не расшибить башку о стенки в узкостях. А дно – оно и в Африке дно.

2

Рапорт не писал, интерес к электронной хрени улетучился вместе с грязью под импровизированным душем. Желание спать пересилило все уставные обязанности, положения и поползновения. Проспал мертвым сном уже не помню сколько, начало смеркаться.

Снаружи, издали, доносились звуки народной самодеятельности – героические шустрики встречали вечер при песнях и плясках. Тело было потным и липким. Быстро сполоснулся оставшейся водой. Оделся, откопав мятые, но стиранные шорты с майкой в модифицированном под шкаф ящике из-под эрэсов¹¹. Вечер завертелся.

Посередине харч-веранды для команданте в плетеном кресле за пустым столом дымил Васька. Командир второго взвода Панаки, из местных, быстро сметал что-то кура-пайное¹² в уголке, склонившись над миской и помогая конечностями. Негромкая рукотворная музыка доносилась от бойцов и умиротворяла, разбавляя апатию и ощущение безысходности, которое бесцеремонно расселось где-то у сердца, на складе духовных ценностей, свесило ноги и издевательски нудно зудело, но поздоровалось:

– Воа noite!¹³

– И тебе туда же. Почему не зашел? Где рапорт? – Васька всегда рассержен и грозен.

– Рапорт завтра представлю. К девяти ноль-ноль. Устал чего-то я, Василь Петрович.

– Устал он, видите ли. Совсем распоясались. На кунге¹⁴ все колеса порезали. Растяжки исчезают. Личный состав собираешься воспитывать?! Или дожидаясь, пока антенны своротят?!

Здесь придется сделать небольшое отступление от темы. В центре нашего охраняемого периметра вместе с морозильником и генератором находится радиостанция. Она располагается в кунге, рядом с которым торчит антенное хозяйство. Коробка кунга стоит на колесной базе. Резина колес – это вполне подходящая подошва, то есть обувь для близлежащей ровоamento¹⁵ (язык не поворачивается назвать этот бомжатник деревней), достаточно лишь отмести лишнее и чем-нибудь закрепить, например, проволокой расплетенных растяжек, удерживающих антенны. Бартер же по типу «воин – крестьянину» и тут же наоборот – это неизменный внутренний путь Африки в светлое социалистическое завтра под девизом «Травите дустом – не свернем!».

¹¹ Эрэс (РС) – реактивный снаряд.

¹² Курапайя – ставрида.

¹³ «Добрый вечер!» (порт.).

¹⁴ Кунг – помещение с радиостанцией на колесной базе.

¹⁵ Поселок (порт.).

– Так мне что, на главкома местного наезжать, что ли? Он же дальний родственник их генералиссимуса из Луанды. Они там все с ног на голову перевернут, и нам же достанется. Не-е, вы уж сами.

– Ты потише давай! Не на митинге.

Панаки все прекрасно слышал, хотя и не понимал, но уже уносил ноги от греха подальше, прихватив недо-жеванное. Ну, а мне подумалось: «Ох, вырежут они нас когда-нибудь!»

– Я ж домой скоро, Василь Петрович. Зачем натягивать отношения с «братьями»¹⁶?

«Жору сдавать не след», – подумал я.

– Домой-то тебе торопиться не стоит.

– Как так?

– Нет замены пока.

Пришлось нервно закурить, изображая печаль и тоску, хотя чего там изображать-то было? От души все. Я тщательно протер ложку о майку, насухо, и вяло ткнул в обрыдшую рыбу. Есть не хотелось.

Солнце, все глубже и глубже зарываясь, плеснуло красным на сиротливые перышки облаков в вышине. Жара хоть и спала, но разгоряченная земля напоминала о ней легкими дуновениями ветра, приносящего отголоски дневного ада. Едва слышное, но нарастающее и ритмичное завывание донеслось с севера.

– Кого это несет, Петрович?

– Один борт пока к нам перебазировуют. Для усиления и разведки. Завтра колонна с топливом подойдет. Еще броню обещали.

– Что, ожидаем перемен?

– Активизируются на нашем направлении. В общем, жди ржавых скоро. Этих троих не допрашивал?

– Нет, пробовал только. С фаларом¹⁷ у них тишина, а с английшем и африкаанс – у меня... Жоры, жаль, не было. На горячем можно было развязать, а сейчас – не знаю. Мешок присадок к плюшкам¹⁸ набрал. То ли инерционные, то ли объемные, а может, чего новое придумали. На батарееках. К радистам схожу, конечно. Но лучше бы на север отправить, пусть сами разбираются.

– Завтра отправим. Давай, доедай, бери свои присадки, зови Жору и пойдем-ка посмотрим на улов. Они где, в яме?

– А где же еще?

– Тогда я пошел туда. А вы подтягивайтесь. Стремительно навалилась темень, высыпав шквал звезд на небесный антрацит. Луна с несколько авиационным имиджем в южном полушарии расправила крылья и парила потихоньку. Наплясавшиеся бойцы притихли, зарычал генератор – поджег прожекторы на угловых вышках.

Я зашел к себе, отыскал наощупь нож, дежурный моток парашютной стропы и прихватил несколько кругляшей из мешка с плененными примочками к минам. Жаропрочные комары уже вышли в поиск – звенели, будто жалобно зазывая на ночлег, но пришлось с ними распрощаться и не спеша пойти к отквартированному неподалеку Жоре. Он читал в своей хижине дяди Тома при чадающей лампаде из снарядной гильзы, лежа за отнюдь не белым марлевым пологом. Хотя вот тут, видимо, закралась ошибка. Дядя Том сдох бы через пару дней, здесь проживаючи. А Жора жил уже месяц и не унывал, продолжал улыбаться, малярия ему пока была незнакома; учил себе потихоньку очередной язык и практиковал выученные. Часто вслух

¹⁶ Здесь: братский народ Анголы.

¹⁷ Фалар – говорить (порт.).

¹⁸ Мины.

и громко – было слышно. Диковинные языки: мат – не мат, но нечто родственное. В свободное (ну, пусть будет в личное) время у него вечно торчал кто-нибудь из местных носителей как языка, так и вшей, язв, чесотки и остальной заразы, поэтому в хижину он их не пускал – балакали, сидя на патронных ящиках у входа. Ящики имели обыкновение исчезать по бартеру, и тогда приходилось сидеть на земле. Жора всегда записывал, а еще он мечтал выучить язык бушменов и увлеченно рассказывал про них – про эту чудную, почти уничтоженную бурами и враждебными племенами народность, которая не владела письменностью и передавала свою историю на словах. Но бушменов в округе не наблюдалось, а тексты о них слегка доставали, и я просил его рассказать что-нибудь о бабах. Про баб Жора, наверное, знал, но вещать отказывался и краснел. Потом покраснение исчезло – скрылось под загаром, а я решил выучить английский. Так что про баб и бушменов мы больше не вспоминали.

– Пошли, поработаем немного. Приходилось на допросах бывать? Не в детской комнате милиции, имею в виду.

– Не-ет.

Но улыбаться я не переставал:

– Ну, тогда опыту наберешься. Профессию сам себе выбрал, так что терпи.

– Да мы учили. Я даже помню...

И оборвал я Жору:

– Забудь.

Пленные – дело тонкое. Согласно наставлению, пленных с момента захвата необходимо держать отдельно друг от друга. Допрашивать тоже отдельно. Задавать соответствующие вопросы и получать ответы, а в случае отказа или получения заведомо ложных сведений применять средства устрашения, а также вводить специализированные медицинские препараты, воздействовать психологически и физически, но как – наставление умалчивало, предоставляя возможность для творческого подхода. За неимением специализированных медицинских препаратов, как и обещанного давным-давно доктора, оставалось одно – творчество.

Вот так – с избытком устрашения, с прожаренной в местном аду фантазией, безветренным и угасшим воображением – шел я в сторону ямы, у которой уже стоял Васькин газик и освещал что-то, пока невидимое, но движущееся.

Жора шел рядом, весело подкидывая мне английские глаголы в неопределенной форме, и я зашвыривал ему обратно временные вариации, но думал о другом, а именно о тактико-технических характеристиках Жориной психики, которые сейчас претерпят определенные изменения. И отнюдь не в лучшую сторону.

– Погоди-ка, Жора.

Мы остановились. В призрачном лунном свете земля под ногами окрасилась в цвет почерневшей запекшейся крови. Согбенные и редкие строения вокруг напоминали кладбищенские склепы. Антенны торчали гигантскими голубоватыми крестами. Казалось, сама Госпожа¹⁹ притаилась где-то рядом. И далекий ухающий крик ночной птицы, сливающийся с рыком генератора, доносит ее хохот. Я говорил тихо и неторопливо.

– Посмотри вокруг... Как в аду, правда? Кровь под ногами, кладбищенские кресты, склепы и хохот. Таким будет финал, Жора. Нам уже заказаны билеты.

Он как-то сжался. Улыбка исчезла. Молчал.

– Можно задвинуть твой срок. Это не просто, но возможно.

– Как?

– Ты сейчас узнаешь, что происходит с человеком, когда он сломлен... Духом сломлен, Жора. А потом ты увидишь, как человек умирает. И все это сделаю я. Васька ни при чем. И черные тоже.

¹⁹ Здесь и далее под Госпожой подразумевается смерть.

Он продолжал молчать. Я смотрел в его глаза, неотрывно, в упор.

– Ты должен заставить себя терпеть, не дергаться и в точности выполнять все мои приказания. А потом... после всего... когда все разойдутся... мы пойдем за мою халупу и ты будешь волен набить мне морду и высказать все что думаешь. Я стерплю. Так надо. Но только потом. А сейчас ты будешь переводить – быстро, точно и аккуратно. Если не хватит слов, то варьируй – показывай на предметы, помогай себе руками. Так надо, Жора. Ты все понял?

– Да. Понял.

Он еще не придавал значения слову «потом». Не знал, что будет плакать – горько, навзрыд, неосознанно ожидая, но не находя утешения. Затаившаяся боль уйдет. Так надо для жизни – дать боли покинуть душу, чтобы не подпустить – лишить Госпожу приманки.

– Ты, главное, представляй, как будешь меня бить, и не забывай про работу. Ну, чего притих? Не дрейфь, прорвемся. Я рядом. Пошли.

– Аж мурашки отчего-то, – прошептал Жора, оставив в покое английские глаголы. Шел, озирался, внимая предвестнику ночи – приглушенному смикшированному хохоту над покойной тишью мрачного погоста.

«А сам-то ты себе срок отодвинул, наставничек? – заскрежетало у меня на сердце. – Тебе ж никто не подсказывал, не разъяснял. Сердобольный, что ли? И давно? Уж не с тех ли пор, как перестал звездочки на фюзеляже рисовать? Раз, два, три, десяток, второй, третий – и уже нет места. Они ж тебя там встречать будут. И белые, и черные, и желтые – все встречать будут. Станешь оправдываться, что если бы не ты, так они и все по-честному. А где ты видел мясорубку справедливую? Война ни честности, ни чести не признает. Значит, и ты нечестен, коли с войной. Боль не ушла – она всегда с тобой, потому как и не боль это вовсе... *Клеймо...*»

По мере приближения к островку, украденному у ночи светом фар, все отчетливее доносился звонкий голос Василия Петровича, в котором проскакивали визгливые интонации. Становилось понятно, что проблемы творческого подхода его не беспокоят. Решил, что при длительном физическом воздействии возможен плавный переход к плодотворному диалогу на эсперанто: доморощенному, с рязанским прононсом, на родном матерщинном фундаменте.

– Он их русскому, что ли, учит?

Жора, казалось, оправился после некоторого душевного неуютя, повеселел, потому как слышал лишь визгливый суматошный мат, но еще не видел.

Ничего не поделаешь, так уж устроен человек – живущее образами здоровое любопытство жаждет интересного, необычного, невиданного доселе, забывая про бытие – про остроту его специфических реалий, которые ожидали через несколько шагов, за газиком.

Для целостности образа не хватало лишь скрипучего треска цикад, поскольку островок света напоминал обшарпанную, неумело подсвеченную сцену летнего театра, за и над которой – черный провал в кладбищенскую ночь. Извечно валявшийся под ногами у переднего пассажирского сиденья кусок арматурного прута в черном резиновом шланге мелькал на свету – яростно, безрассудно, наотмашь, с приложением недюжинной сноровистой мощи крестьянина рязанской губернии.

Уже не в силах кричать, под ударами извивался лежащий на боку человек: без башмаков, голый торс, связанные руки и ноги, сплошное месиво вместо лица и ярко-алое, блестящее, переливающееся, играя полутонами в свете фар.

Разум Жоры сопротивлялся – на мгновение отторг явь и вынудил отпрянуть в темноту. Явь ударила снова. Жора широко открыл рот, словно хотел закричать, но осекся. Легкое дуновение ночного ветерка принесло запах, который источали этот человек и еще двое в яме. Резко согнувшись, Жора вывалил ужин прямо себе под ноги, содрогаясь от спазмов. Потом отпле-

вывался, давился новыми спазмами и, наконец, тяжело дыша, оперся на крыло газика. Начал икать. Васька увлекся – ничего не слышал и не видел.

– Петрович! – позвал я достаточно громко, но реакции не последовало. – Пет-ро-вич!

Он обернулся, вытер пот со лба. Потом бросил шланг. Свет фар слепил, не позволяя ему видеть Жору.

– Ну, где вы ходите-то? Мне что, за вас отдуваться? Пока молчит, гад! Ну, ничего, – нагнулся над человеком, уперев руки в бока. – Ты у меня заговоришь, сволочь! Как миленький заговоришь!

Всхлипнув, лежащий человек вдруг заскулил. Громко. Обреченно. Не по-человечески.

– Сейчас, сейчас. Отдохни пока чуток. Потом продолжим.

– Петрович, он по-русски не понимает.

«Зачем ты это сказал?.. – начала вползать злоба в мои мозги. – Башня едет, точно... Пора домой. Давно пора... Хватит валяться в дерьме, жить и дышать дерьмом!.. Сколько ж можно-то, Господи?! Когда ж это все кончится?! Зачем тебе все это? Чего не хватало? Все же есть... Что, из-за бати? Но ты уже видел, знаешь и понял... Все у тебя есть, шизоид!!! Так ради чего?!»

– Мне он был нужен соображающий. А это кусок мяса. – Я присел рядом с уже притихшим, но еще живым человеком, пытаюсь определить, который из трех. Неподалеку в темноте угадывалась пара спящих шустриков, не мудрствуя лукаво возложивших заботы по охране ямы на «барбадуш»²⁰, то есть на нас.

– Петрович, где главком-то со свитой?

– Спят, небось. Им по темноте лень и неинтересно. Дети солнца, бл... Воды не принесли?

– Нет, не принесли.

Я обернулся в сторону фар, позвал:

– Жора!

– Что? – словно ответил свет, глухо и опустошенно.

– Не в службу, а в дружбу – сгоняй за водой. И особо не спеши.

– Хорошо.

До хижины – за флягой, потом до харч-веранды и обратно – как раз успокоится и с Васькой успею.

Я так и не разобрался, который из трех, – рост и комплекция были примерно одинаковы. Один был помоложе, но возраст лежащего, как и лицо, не распознать. Он постепенно размяк, дыхание выравнивалось. Пульс уже не так частил. Нутро отбито, безусловно, и пахло безнадегой. Вряд ли оклемается, да и зачем? Везде и всегда это пресловутое «зачем»... Медальоны бы посмотреть. Да где их сейчас найдешь? Надо будет главкома попросить, чтобы на своих шустриков надавил. Не отдадут ведь, саканы²¹. Для них медальоны сродни награде, заодно и торгачуть можно. Васька присел рядом.

– Чего ты с ним канителишься? Посмотри в машине монтировку. Вдвоем сподручней.

Зевнул, потянувшись. Слегка устал, видать.

– Василь Петрович... Похоже, вы международную обстановку плохо сечете. С международными конвенциями не знакомы. А тут и до извращенного понимания политики партии и правительства недалеко.

– Чего-о?! – Он собрался встать, но я крепко обнял за плечи, удержал. Смотрел на него и на человека, лежащего возле нас.

– Военнопленных-то увечить, и уж тем более белых, никак нельзя. Для этого Женевскую конвенцию собирали, если мне память не изменяет, и в двадцать девятом, и в сорок девятом и постановили, что за них несет ответственность государство, Ангола то бишь, а не вы или я,

²⁰ Бородатые (порт.).

²¹ «Плохие люди» (португальское ругательство).

и не гребаные местные «братья». Этих же завтра-послезавтра на Север отправят точно. Им там тоже медалек хочется. Потом еще куда подальше – в Луанду. Может, и в Союз. Значит, главком не спать пошел, а на вас депешу строчить, что, мол, трое – в целости и сохранности, чтобы свою задницу прикрыть. Потому как если где-нибудь и какой-нибудь серенький козлик из Красного Креста или ООН увидит, что вы наделали, так нам полные кран-ты, а «братья» ни при чем. Про захват пленных радио ушло, небось?

– Ушло. Еще днем составляли... За белых к наградам представят.

Не сразу, но до Васьки дошло. Гонор со спесью исчезли куда-то. Глаза забегали. Повесил в раздумье свою шарообразную голову с реденькими волосами и опрятной бородкой. А меня уже разрывало изнутри: «Сколько ж вас таких? С детскими мечтами о колбасе за два-двадцать, по головам, не оглядываясь, зубами, в ключья, вперед, без чести и совести, унижаясь и опускаясь, по трупам улыбчивых Жориков, Мишек, Сашков, Витьков и Димок, ради желанного звездного погона. Ради себя, любимого, в обнимку с ненавидящей злобой...»

– Усе, Василь Петрович. Звиздец. Сливайте антифриз. Вот только вы нас, получается, за собой потянете. А нам с Жорой это на хрен не надо. Так что я вам сейчас язык срежу вместе с бородой – и в яму, будете военнопленного изображать. По рукам?

– А как же с этим?

До чего ж ты... политический!

– Его и не было. Вы теперь – он. Он – вы. Переоденетесь. Свяжу вас. Потом брить начну. Только скажите напоследок, как это вы через полчаса умудритесь на венгерке²² подорваться, а он от сердечного приступа умрет? Хотя... наоборот ведь... Но мертвяки-то все одинаковые...

Воняло нестерпимо. Обрызганная кровью рука состоявшегося крестьянина-замполита незаметно и осторожно тянулась к кобуре. Шустрики из охранения беспробудно спали, перекрывая храпом рычащий генератор. Васька приподнял голову и посмотрел мне в глаза, чтобы отвлечь, а может быть, ответить. Я так и не узнал, зачем. Ударил его коротко и просто – под открывшуюся челюсть. Он повалился, как мешок с дерьмом, в ноги умирающего человека, а я пошел выключать фары.

Планы по адаптации человеческой психики кардинально поменялись. Что-то еще ждет впереди, и на наш век хватит, Жора. А торчать в этой дыре еще ой как долго. Хотя все в мире относительно... И что-то изменилось в жизни – отвлекло.

ПОЛЬША, начало 80-х годов

Тем временем венгерские археологи, застывшие в полуприсяде у чайно-кофейных черепков посреди офиса «Аэрофлота», напряженно прислушивались к происходящему за дверью. Стук повторился, прозвучал настойчивее, а затем раздался требовательный женский голос:

– Otworzyc drzwi!²³

Тетка «Не болтай!» трансформировалась в Григория Федоровича, который едва слышно зашептал:

– Чего она говорит-то? – и повернул ко мне ухо, а-ля «прием».

– Откуда я знаю? Открыть просит вроде.

– А говорили, что польский язык не знаете. Прекратите меня дурачить. Я уж не говорю про звания. Хотя бы мой возраст уважайте, – прошептал изменник и предатель родины, но на полтона выше.

²² Минное поле венгерских противопехоток на внешнем периметре базы.

²³ «Откройте дверь!» (польск.).

– Да не знаю я польский ни хрена. Говорю ж, что вроде бы. Про языки мы с вами вообще ни разу не заикались, – прошептал всего лишь изменник родины и отвернулся, тем самым демонстрируя уху, снова обретшему положение «прием», полнейший конец связи.

За дверью не унимались. Последовали ритмичные удары, недвусмысленно указывая на перспективу привлечения сотрудников Министерства внутренних дел Польской Республики.

– Ja slyszec! Ktos w pokoj! Otworzyc!²⁴ Одновременно мы взглянули на единственный шкаф и сразу же отмели стандарты героев-любовничков. Наши взгляды начали блуждать по стенам, полу, потолку и окнам. Дверь во вторую комнату была заперта. Похоже, ховаться было некуда. Ждать взлома двери привлеченными внутренними сотрудниками и изображать глухонемых археологов, нечаянно забредших в административное логово аэропорта, при этом закрыв за собой дверь на неизвестно откуда взявшийся ключ, который затем либо потеряли (на девяти квадратных метрах слепо-глухо-немые археологи), либо выпал из окна (на летное поле, откуда громяхают самолеты и поэтому окна не открываются, – чушь), либо провалился в половую щель (линолеум, хотя и паршивенький, но сплошной, на цементном полу – фи-и), либо проглотили (бредятина сивой кобылы), либо вообще нас кто-то запер (шутка), либо ключ засосала вентиляция (угу, вместе с мозгами).

²⁴ «Я слышу! В комнате кто-то есть! Откройте!!!» (польск.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.